

Победители

Победители.

Люблю свой город. Не из-за архитектурных и природных красот. Не из-за людей. Сам не знаю за что, но люблю. Наверно потому что родился тут и прожил всю свою жизнь. Встретил здесь свою первую любовь. Пережил множество ярких и не очень моментов. Может быть, из этого складывается любовь к городу.

А город самый обычный. Среднестатистический миллионник, основанный ещё в незанятные времена, менявший несколько раз своё название и переживший немало взлётов и падений. Город трудяга. Город мечта идиота. Сюда не стремятся, отсюда легко уходят. Город, который легко забыть.

А я не хочу. Привычка жить здесь въелась куда-то в подкорку и не вытравить её оттуда ни чем. Здесь я родился, здесь и умру. Как и иной незаметный законопослушный гражданин.

Странные мысли роятся в моей голове с утра пораньше. Пропитанные субботней меланхолией осени. У меня каждую осень унылое настроение, хочется чего-то новенького, может даже захватывающего, но ничего не происходит. Дом – работа, работа – дом. Вот и всё. Воскресенье, единственный день недели, что может принести что-то любопытное. Эх, поскорее бы отпуск. Еще два месяца ждать.

Я уставился в монитор. Полдевятого. Ну и где? Ведь начальник должен был прийти уже давно. Опаздывает.

Дверь распахнулась и в приёмную величественно вошла Виктория Олеговна Зальцберг. Начальник нашего улья и просто красивая женщина.

– Доброе утро, Виктория Олеговна, – поднялся я из-за стола и подошел к ней.

– Тасаров, – бросила она мне в лицо мою фамилию, будто плюнула. Явно не в духе.

– Разрешите, – я обошел её и принял чуть влажный плащ, вдохнув цветочный аромат шампуня.

Она повела плечами, круговым движением скинула мне серое кашне. Принюхалась к чему-то, внимательно разглядывая моё лицо. Чему-то своему хмыкнула, чуть обернувшись, сказала слово «кофе» и зашла в свой кабинет.

Вот таким образом стартует большинство моих дней. Являюсь на рабочее место раньше начальника, проверяю бумаги, ставлю греться чайник, проветриваю приёмную и кабинет. Встречаю госпожу-начальницу, помогаю прибрать в шкаф её верхнюю одежду и варю кофе или чай. Иногда сообщаю ей срочные новости. В общем, обычная утренняя работа секретаря.

Подождав привычные пятнадцать минут, которые требовались Виктории, чтобы привести себя в порядок, я занёс в кабинет чашку с горячим кофе и папку с бумагами, которые ей требовались на сегодня.

– Свободен, – сделала она царский жест.

Я развернулся и покинул её кабинет. Ну, слава тебе, господи! Я ринулся в курилку. Сорок минут её прождал. Я не курил со вчерашнего утра. Вчера требовалось явиться на встречу с клиентом и не пахнуть дешевыми сигаретами, сопровождая «Её величество», как прозвали Викторию Олеговну наши сотрудники. Ладно бы только это, но вечером оказалось, что пачка пустая и последняя. Время уже было за полночь, когда никто никому сигареты не продавал, спасибо новым законам. Перед работой тоже не успел – маршрутка подошла на удивление быстро. В общем, курить хотелось невероятно.

– Здорова, Санёк, – пожал я лапу одному из знакомых. Он работал одним из сисадминов и

порой помогал мне в настройке компа одной царственной особы.

– Привет, Витёк, – улыбнулся он мне, зажигая вторую сигарету. А я думал, уйдёт. Решил составить мне компанию. – Как дела?

– Да как-то так, – я удовольствием затянулся, блаженно выпуская дым через ноздри.

– О как! Совсем тебя её величество замучило, – усмехнулся он.

– Задолбался её ждать, – покачал я головой. – Сам прилетел весь в мыле, опаздывал, спасибо пробкам. Так нет, она где-то потерялась. Сорок долбанных минут! Пришла вся злая. Бросила пару высокомерных слов, и так и надо. Хотя чему я удивляюсь? – я лишь головой покачал.

– Ну, так она и платит тебе за то, чтобы ты её терпел, – ухмыльнулся Александр. – Ты единственный секретарь, что выдержал больше пары месяцев. Мужчины уходили от неё в бешенстве, женщины – в слезах. Ты спаситель нашего секретариата. А опоздала она, так наверняка от ухажера пришла.

– Она? – я даже дымом подавился. – Никогда не видел ухажера, который смог бы терпеть её больше пары часов. Ты сам только что сказал: все от неё бегут. И всегда было так. Да, она красива и привлекательна, но за словом в карман не лезет. Помнится на одной встрече, где я её сопровождал, она таким вежливым, но таким ядовитым образом отшила тамошнего начальника. А мужик был видный. За такими бабы паровозиком бегают.

– А вы её высочество хорошо знаете, Виктор Степанович? – подошел Тимур. Молодой новичок из отдела продаж. Парню было лет двадцать пять, и он был ещё на испытательном сроке. – Честно сказать, я её побаиваюсь.

– Можно без отчества и на «ты», – подбодрил я его. Трудолюбивый, воспитанный, приятный в общении парень. Я не многим старше его, а он ко мне на «вы». Непорядок. – Как же не знать, – я тяжело выдохнул, предаваясь воспоминаниям. – Со школьной скамьи знаю её.

Александр засмеялся, он уже не раз слышал мои истории из молодости, а Тимур удивленно посмотрел на меня. Затем на его лице отобразился неподдельный интерес.

– И какой была её высочество?

– О, та ещё оторва. Хамка, пацанка, шпыняла меня, как хотела. Я в детстве был тихий мальчик. Этаким книжный червь, – я элегантно движением поправил очки на носу. – Ну, в принципе им и остался, – хмыкнул я, зажигая вторую сигарету. К рассказу прислушивались ещё человек пять. Да уж, курилка – рассадник сплетен для мужчин.

– И какая она была в школе? – продолжал любопытствовать Тимур.

– Ей всё давалось с полтычка, я же много трудился, чтобы хорошо учиться. Наверно потому, что её готовили к унаследованию компании. Ведь эта контора ей от матери перешла.

– А я не знал, – бросил Александр.

– Ну, у них в семье все бабы деятельные. Да и отец трудоголик. Так что умом и умением работать не была обделена. Отсюда и все её успехи. Только вот с мужиками у неё полный фиаско. Не терпит она их, а они её. Хотя красивой она стала уже классу к восьмому. Таскала невзрачного зубрилу, – ткнул в себя пальцем, – за собой. Типа друзья. Только друзьями там и не пахло. Помнится меня один золотой мальчик с прихлебателями побили, чтобы дескать я не подкатывал к королеве красоты. Типа опустил. Мне было всё равно, только сломанные очки и рваные брюки было жалко. Потом от матери влетело по самое не балуй. А её мать компенсировала ущерб. Весёлое было время.

– А тут ты как оказался-то? – поинтересовался Тимур. – Неужели её высочество и сюда с собой притащило? Тут, кажется, любовью попахивает.

Несколько мужчин забыли, как дышать. Да уж. Парень ляпнет, так ляпнет. И смешно и грустно. Ведь она на них даже не посмотрит.

– Не, мы после школы не общались, – я подумал и решил, что третью не стану закуривать. Расскажу и пойду. – Учились в разных вузах, она на управленца, я на психолога. Потом пошел работать в фирму, где практику дипломную проходил. Ну, тамошнему начальнику вроде понравилось, как я работаю, но потом какая-то муха его укусила, он меня и турнул, с плохой рекомендацией. Вот тогда я чуть не взвыл. Но меня мать выручила. Втихаря договорилась с её матерью, чтобы меня на работу взяли, вот так я сюда и попал. А её величество, видать по старой памяти, меня приближенным и сделала. В секретари запихала. И да, не выдумывай ничего про любовь. Она такие качества для своего мужчины расписала в тот раз, когда отшивала золотого мальчика, что я охренел. Таких мужчин в природе не бывает. А уж про свою внешность я не заикаюсь вообще. Так что, мужики, – я повысил голос, обращаясь ко всей курилке. – Бросьте глупые надежды и найдите себе нормальных баб. Вот так.

Я грустно вздохнул. Она мне до сих пор симпатична, не смотря ни на что. Первая любовь, всё-таки. Можно сказать, расчистил путь от конкурентов, только меня на этом пути тоже нет. И не будет.

– Ладно, пойду я. А то у её величества сегодня плохое настроение. Завалит работой, до отпуска не разгребу.

– Давай, – хлопнул меня по плечу Александр. – Удачи тебе и терпения, Витёк.

– Да уж, – фыркнул я. – Спасибо. Пригодится.

И ушел из курилки.

Давненько такого базара с мужиками не разводили. День подкинул немного веселья. Вот и хорошо.

Я зашел в приёмную и расположился за компом. Дел пока что не было, поэтому полез в инет читать очередную фентези. Книги моя отдушина. Хоть там, представляя себя на месте главного героя, можно почувствовать себя крутым красавцем мачо.

– Тасаров, – раздался голос начальницы из коммуникатора. – Зайди ко мне.

И полстраницы не успел прочесть. Что там у неё?

– Да, Виктория Олеговна, – закрыл я за собой дверь.

– Сегодня нужно будет съездить на встречу с главой Северного холдинга, – я открыл ежедневник, стал записывать. – Ужин в ресторане Алые капли. В половине девятого.

Она замолчала, хмуро сверля взглядом столешницу.

– Что-нибудь нужно подготовить? – осведомился я.

Виктория с шумом выдохнула сквозь зубы.

– Иннокентий Павлович будет на ужине со своей женой, – нехотя бурчала она. – Он человек, довольно консервативных взглядов. Он считает, что с не семейными людьми нельзя работать, что они менее ответственны. Мать всегда ходила на эти встречи с отцом. – Она замолкла. Я стоял, как вкопанный. Никогда не видел такого настроения у Виктории. – Я не могу потерять такого важного компаньона, как он и его холдинг. И одна я пойти не могу. Поэтому, ты должен подготовить...

Она опять замолчала.

– Себя, – буркнула она спустя минуту.

– Простите? – недоумённо глянул я на неё.

– Ты пойдешь со мной, – её лицо побагровело, она сжала кулаки на столе, – в качестве моего супруга, поэтому тебе нужно подготовиться.

Да она в тихом бешенстве.

– Простите, Виктория Олеговна, может, тогда вы позволите подобрать более подходящего кандидата...

– Какого, в жопу, подходящего кандидата, Виктор?! – разъярённо завопила она, глядя мне в

глаза.

Сорвалась. Даже ругаться начала и по имени меня назвала. Неужели из-за этой проблемы она с утра была зла?

– Ты единственный, кто меня знает, как облупленную! Как какой-нибудь хрен с горы сможет сыграть роль моего мужа?! Ты головёшкой своей очкастой подумал?!

– Виктория...

– И кончай со своей раболепной Викторией Олеговной! Бесишь! Твою мать! Да мы друг друга в таких ситуациях видели, что охота пробить тебе череп, чтоб забыл! Виктория Олеговна то, Виктория Олеговна сё; ах, Виктория Олеговна; да вам нельзя, да вы же благородного происхождения! Да, блядь, я уже двадцать восемь лет, грёбаная Виктория Олеговна! И теперь, и ты, сука, решил стать как все эти сраные прихлебатели и лизоблюды?! Я тебя не для того своим секретарём сделала, чтобы и ты мне жопу лизал! Ты мне друг или кто?! Убить тебя готова за такое!

– Вик, погодь, остынь, – я даже не сразу заметил, что уронил ежедневник. Нифига же у неё пригорело за эти годы. Но девушку было не остановить.

– Ты никогда так не делал! Никогда!!! – она шарахнула рукой по столу, вскочила, выкинула из волос заколку, выпуская на волю русский водопад. – Ты, грёбаное очкастое создание, уже второй год тут из себя строишь, черт знает кого! Где тот холодный, безразличный хам, что никогда не подчинялся и делал всё по-своему?! Куда ты дел его?! А!? – она обошла стол и вцепилась в мой воротник. – Кто ты, блядь, такой!?

Да уж, похоже, без меня её так затюкали всеми политесами и прочим, что ей некуда было дать выход эмоциям, не на кого орать и некого пинать. Нельзя загонять настолько взрывного человека в такие рамки на такое время. Вот он, результат. Я, конечно, могу остановить её прямо сейчас. Есть немало способов, но лучше дать ей выговориться. Наконец-то, сбросит напряжение. Кабинет звуконепроницаем. Пусть орёт сколько влезет.

А я полюбуюсь. Как же давно я не видел её такой. Господи, всё же я до сих пор люблю её! Даже в бешенстве она прекрасна.

– Куда ты пропал? – внезапно запал стал спадать, её руки безжизненно опустились. – Почему исчез? – В голосе появились капризные нотки. У-у-у, что-то мне это напоминает. Неужели? – Почему перестал общаться со мной? Неужели я такая стерва, что даже ты сбежал? – Ва-а-а, да, я был прав. Глаза на мокром месте. Стресс во все фронта.

– Вик, успокойся, – я взял её за плечи.

– Я спокойна!

– Нет, не спокойна, – припечатал я. – Во-первых, я не изменился. Но, ты мой начальник, а я работаю на тебя, поэтому я должен соблюдать политес. Обращаться к начальнику по имени и на «ты» не комильфо. Тем более при посторонних.

– А наедине? – шмыгнула она носом.

– Я прекрасно помнил твоё происхождение, и меня сюда устроила твоя мать, если ты не забыла. Я думал, что ты повзрослела, остепенилась. Забыла о нашей дружбе и не рассматриваешь меня более, как знакомого. Твой взгляд при нашей встрече в этих стенах был именно такого толка. Ты мне ни кто и звать тебя никак.

– Прости, – она легонько боднула меня в грудь, выше просто не доставала. – Я не знала, как быть. Ты припёрся весь такой расфуфыренный! – опять завелась. – Смотрите, какой я охеренный! Принимайте товар!

– А в каком виде ещё на работу приходят?

– Ты себя в зеркало видел?! Книгоёб очкастый!

Вот её мотает! Ещё и старое матерное погоняло припомнила. Ладно, придётся терпеть и

разжевывать. Сам виноват, что не помог любимой в трудный момент. Решил, что устраниваться будет лучше. Ошибся.

– Значит, ты хотела, чтобы я относился к тебе как раньше, когда нас никто не видит, – перешел я в контратаку, возвращаясь к разговору. – Тогда, почему сразу не обозначила, что мы все ещё друзья?

– Откуда мне было знать, что ты согласишься? – она пнула меня в голень. Больно! – Весь напомаженный, вежливый, как распоследний граф. Ни грамма холода и презрения, что выливал на меня ведрами в детстве. Предельная вежливость и коленопреклонение. НЕ ХОЧУ!!! – внезапно рывкнула она. – Не хочу видеть тебя таким! Ты не такой! Какой угодно, но только не жополиз! Ненавидь меня, презирай, подкальвай, бей, но только не преклоняйся! Прошу...

Последнее слово она прошептала, опять утыкаясь мне грудь.

Да уж, не ждал я, что наше девство так много для неё значило. Это у неё что же, своего рода садомазохизм? Специально третировала меня, била, оскорбляла, вела себя как последняя стервозная королева, лишь бы я её презирал? У кого-то просто многоножки в голове, а не тараканы. Ведь в девстве я был действительно самодостаточным и независимым ребёнком, для которого книги и родители были единственной правдой на земле. Всех кто пытался разрушить мой мир, я встречал в штыки стеной холода, отчуждения и презрения. И ей это нравилось? Боже ты мой! Это даже мило.

Так! Похоже я тоже изврат.

Ведь я стал менять своё отношение к жизни, когда влюбился в неё. Стал искать в себе недостатки, а вёл себя по-прежнему, лишь бы она не заметила моих чувств. Ведь я считал себя недостойным её. Сейчас же я понимаю, насколько это было по-детски глупо. Правда, я много всяких пошлостей сделал, после того как влюбился в неё. Привлекал внимание и в результате огребал. Огребал и возвращал презрением. А она тащилась. Мы оба законченные извращенцы.

Ладно, мозговой штурм это хорошо, но наш разговор не закончен. А то, мать, я гляжу, пригрелась на широкой мужской груди. Сейчас забудется, и мы ни в чём не достигнем соглашения.

– Хорошо, Вик, договорились, – я не удержался и погладил её по голове. – Наедине всё как раньше.

– Какого хрена ты делаешь?! – вывернулась, оттолкнула, пробила в солнышко. Я чуть согнулся. Зараза нервная. До сих пор не терпит чужих прикосновений. Сама лапоть горазд, а чтобы другие ни-ни. – Я тебе не комнатная собачка, гладить он меня вздумал, предатель! Убежал, и так и надо! Психолог недоношенный!

– Никуда я не сбегал. – Потер я грудь, вплетая в голос лёд и презрение. Хотелось улыбнуться, но я не мог. Извращение возвращается. – По-моему, конец наших отношений был очевиден. Каждый шел своей дорогой, к тому же ты вообще улетала учиться за границу. Способ связи ваше великое и ужасное не удосужилось оставить. Я, видимо, его высрать должен был.

– А у матери моей спросить?

– С какого перепугу? Ты только сейчас заявила, что это дружба была. Всё детство дерьмом поливала и так и надо. Конечно, ваше благородие не снизойдёт до простолюдинов, они сами должны понять, что это их высочайшее проявление благосклонности и любви.

– Д!!! П!!! Ты!!! Какая на хер любовь!? – лицо опять багровое. Только пар из ушей со свистом не валит. – Разве я бы стала постоянно общаться с кем-то, если бы не считала его другом?

– Кто тебя знает. – Добавляем холода. – Видимо это только у тебя такие представления о дружбе были. Пни, оскорби, надави, покажи высокомерие. Нормальные люди так не делают!

Её лицо сморщилось, словно в муке, она закусил губу и:

– Прости-и-и-и-и!

О-о-о. Детский сад, ясельная группа. Слёзы и сопли. Вика второй раз в жизни рыдает при мне. Просто стоит, опустив руки, и плачет в голос. Первый раз был, когда у неё умер любимый кот. Но тогда ей было четырнадцать, а сейчас двадцать восемь. Патология психологического развития на лицо. И стресс. Очень много стресса. Тонны работы, уроки ненавистного политеса, взрывной характер. Нет друга, на которого можно, не стесняясь и не боясь уронить имидж, поорать. Нет мужика – нет секса. Короче ей было очень и очень плохо. Женщинам в принципе вредно держать эмоции при себе, а уж с таким характером, как у Вики тем более. Надо решать эту проблему. И если кто-то думает, что я позволю увести у себя этот вулкан, тот очень ошибается. Пусть будет бешенная, пусть ненормальная, но я её люблю и такой, так что подавитесь – она моя. Хрен вам в грызло.

Ладно, пора возвращать её в рабочее состояние, договориться о сегодняшнем ужине и начинать разбирать вопрос с подготовкой моей роли. Надо постепенно сделать так, чтобы эта роль стала правдой. У неё уже ко мне отношение собственника, будем изменять это в любовь. Потихоньку, помаленьку.

Я уже знаю, как остановить этот поток слёз. Точно так же я поступил, когда успокаивал её после смерти кота. Правда боюсь, что это снова будет боль. Она меня тогда чуть не убила. Эх, мужики, желаю вам нормальных баб. С богом.

Молча подошел, притянул её за талию, взял за подбородок, приподнимая заплаканное и удивлённое лицо, и целую в губы. Да подольше, да чувственнее. Надо, чтобы она сильнее взбесилась. Держим за талию и за голову, чтобы не вырвалась. Ща, как заедет с коленки промеж ног, и буду валяться, пинаемый бешеной фурией. Прямо как тогда. Ну же, давай! Мочи!

Нет?! Что, правда, нет?! Не остановишь? Я открыл глаза, ожидая увидеть во взгляде Вики ярость, но ничего подобного не обнаружил. Искреннее удивление и всё. Ну, что же, вроде бы успокоилась. Тогда ладно.

Попытался отстраниться, да не тут-то было. Вика обвила меня руками и сама продолжила поцелуй. Притом, довольно настойчиво и пылко. Умеет что ли? Да ни фига! Не кусайся, это больно! Да хватит!!! Ну всё, сама напросилась, переходим к французской практике.

Что? Стой! Куда!? Не роняй меня на стул, если сама стоять не в состоянии, женщина! Не, не, не, успокойся! Куда ты свои шаловливые ручки тянешь, кобель!? И ты, женщина, что себе позволяешь!? Не раздевай меня! А если кто войдёт? Нет, я, конечно, понимаю, что к тебе никто в кабинет без спроса не входит. Стоять, бояться, у меня нет с собой защиты! Стул же ломаем! Когти!!! Стой!!! Спину разорвёшь, дурная, да отпусти ты мою голову, дай вздохнуть нормально. Откуда в тебе столько силы?! Меня же потом убьют за такое! Нет, вот теперь точно пора остановиться! Вика, нет! Подожди, ты каким местом думаешь? Тебе дитё охота? Стой! Писец котёнку...

Сняли стресс, твою дивизию. Никогда бы не подумал, что мой второй раз будет таким бешеным. Мыслей рой. В голове хаос. Хорошо, блин на фиг! И что теперь делать? Хотел же не торопиться. Как мог успокоительный поцелуй перерасти в такой сумасшедший секс? Интересно, она мне насколько глубоко спину раскроила своим маникюром? И что делать, если она залетит? Меня же её мать пришибёт! На полном серьёзе! Дырку промеж глаз и в реку. С их деньгами и происхождением они и не такое могут.

А Вика сидит на мне, даже двигаться не думает. Вид живописный, расхристанный и донельзя эротичный. Волосы в бардаке, местами мокрые от пота. Взгляд бездумный затуманенный, лучится счастьем. Дышит медленно тяжело через рот, высунув язык, а тело её слегка потряхивает. Пережила оргазм, теперь кайфует. У Вики очень чувствительное тело, поэтому она и не любила чужих прикосновений. Пиджак валяется на полу соседствуя с моим.

Блузка распахнута вместе с лифчиком, у которого оказывается передняя застёжка. Удобно, однако. Половина пуговиц на моей рубашке оторвано напрочь. Брюки вместе с трусами приспущены, её юбка сморщилась в гармошку, колготки порваны в нескольких местах а трусики просто сдвинуты в сторону. Любовные соки стекают по моей ноге. И стул придётся отчищать. Мне. Такое палево для уборщиков оставлять не стоит. Вмиг весь улей узнает, что её величество оприходовал безобидный очкастый секретарь книголюб. Тут даже мать Вики не понадобится. Половина мужского коллектива, что неровно дышит в сторону начальницы, закопает. А вот хрен вам! Сами ничего не узнаете, и её я вам теперь точно не отдам. По всем законам природы моя.

– Витя, – прошептала Вика. Я вырвался из своих мыслей и перестал созерцать тело своей подруги. Взглянул ей в глаза. Большие и напуганные. – Прости меня. Я, это. Не удержалась. Прости...

Она опустила взгляд, увидела натюрморт, покраснела до корней волос и, закрыв лицо руками, уткнулась мне в плечо.

– Прости...

Вот теперь и я логики не понимаю. За что она просит прощения? Она, конечно, часто ведёт себя как мужик, но даже в такой ситуации просит прощения, словно сорвавшийся мужчина, изнасиловавший свою близкую подругу. Хотя просить прощения должен я, как настоящий и единственный мужчина в этой комнате. Не понимаю. Даже моё образование не даёт ответа. Слишком у Вики всё сложно в мозгу. Слишком.

– Витя, – зашептала она мне, целуя в ухо, в шею. – Хочу ещё!

– Вика?

– Прости, хочу ещё! – она чуть приподнялась и вновь опустилась.

– Вика, работа!

– Плевать, до ужина время есть.

– Вдруг кто-то в приёмной?

– Пусть все идут в жопу, у меня секс с мужем!

– Но...

– Заткнись, – теперь она меня французским поцелуем затыкает.

Приехали. И когда я успел стать мужем?

– Ты мне рубашку испортила, – холодно сообщил я, оглядывая результаты.

Я закопался в шкаф в поисках салфеток, чтобы почистить стул и стол. Второй заход закончился на столе. Причём по столу валяли меня. Благо он широченный и прочный, иначе мы могли получить травму. При этом мы умудрились разбросать по полу половину папок, свалили канцелярскую подставку и чуть не уронили монитор. Вика дорвалась до секса, и я с трудом остановил её. Я бросил взгляд на часы. Полпервого. Да уж, порезвились.

– Ничего страшного, все равно пойдём тебе покупать новый костюм. – Спокойна, как удав. Сбросила стресс и невозмутимо вернулась к работе. Деловая колбаса. Вытащила при мне из шкафа упаковку с новыми колготками и чистые трусы, старые спрятала в сумочку. Такое впечатление, что всегда была готова к такому повороту. – Твой слишком дешев, чтобы ты выглядел на уровень моего мужа. Мне же нужно будет посетить салон красоты. Я не могу быть в таком расхристанном виде. Да, как приберешься, сложи салфетки в полиэтиленовый пакет, потом сам на улице выбросишь. Ни к чему оставлять в ведре улики уборщицам. И, да, через неделю, в пятницу я дам тебе выходной, распишемся. Я договорюсь с районным загсом.

Я стукнулся головой о полку. Матерясь сквозь зубы, я ошарашено взглянул на неё. Она отряхивала пиджак.

– Чего? – она бросила на меня взгляд. – Думал, трахнул бабу и свободен? Хрен тебе вгрызлось, дорогой. Я еще после нашего первого раза планировала тебя оженить на себе. Правда накладочки вышли. Ну, теперь ничего. Раз ты все ещё любишь меня, то проблем нет.

– Стоп! Ты знала?

– Ну, да. А ты думал мастер конспирации? – она усмехнулась, застёгивая пиджак. – Лез целоваться, пошло шутил и лапал, когда хотел. Мелкий очкастый извращенец. Я сперва думала, ты так хочешь от меня избавиться, обсудила с мамой, ну она мне и подсказала, как проверить.

– Подожди, ты же не хочешь сказать, что...

– Ага, мама знала, что ты меня девственности лишил. А, и твоя тоже. Они вместе это план составляли.

Я сел, где стоял, прямо в шкаф на коробку с документами. Вот так новости. Я-то думал, у нас по глупости, да по случайности всё случилось, а оказывается, всё за нас придумали наши матери. Они спятили? Позволять такое пятнадцатилетним. Из какого мира они такие толерантные? Нормальные родители за такое бы детей прибили. У меня когнитивный диссонанс. Разрыв шаблона, если по-простому.

– Правда ты потом, наоборот стал меня сторониться, вот я и решила, что мне показалось.

– Нет, ну... я... – у меня плечи опустились. – Думал, ты меня возненавидела. Ты же плакала тогда ночью. После.

– А, это? Не, я счастлива была. Конечно, было больно и страшно, но потом я себя чувствовала самой счастливой на свете. Думала мы теперь с тобой на веки вместе. А получилось, черте что.

– Прости...

– Брось, оба были глупые. Не знали, как любовь выразить. Да я и сейчас не лучше. Истерику тебе закатила и изнасиловала.

– У тебя стресс накопился. Тебе нельзя столько сдерживать эмоции. И, позволь спросить, у тебя другие мужчины были?

– Опять грёбанные политесы! – рыкнула она. – Книгоёб психологический! Не было! Я тебя всю жизнь любила! Эти подхалимы, жополизы и кичащиеся своими деньгами прощельги и ногти моего не стоят. Кстати, спину покажи.

– Ага, – ошарашено буркнул я, поднимаясь из шкафа.

– У, какие отметки красивые, – засмеялась она. – Тебе не больно?

– Думал, спину мне порвёшь.

– Так тебе и надо, ботан. Стой, сейчас продезинфицирую.

– У тебя тут и спирт есть?

– И аптечка первой помощи, а то вдруг кому плохо станет. С моими то нервами и десятилетним недотрахом. Ну, теперь всё будет отлично. Раз ты здесь и любовь ещё с нами, думаю стержвости поубудет.

– ААА!!! Блядь! Предупреждать надо!

Щипало адски.

– Прости, родной. Потерпи, будь мужиком.

Я быстро скомкал рукав рубашки и запихнул в рот. Спиртом по ранам! Она точно садист!

Отвлечься. Надо срочно отвлечься.

В общем, случился наш первый раз тринадцать далёких лет назад. Наши мамы, которые, как теперь выяснилось, были в сговоре, отправляли нас каждое лето на природу. В деревню к моему деду. Природа, просторы, свежий воздух, натуральные продукты и полное отсутствие

цивилизации. Единственный магазин на всю округу, а всё остальное на сельском хозяйстве. Три летних месяца работы в поле, хлеву и огороде. Как ни странно, даже высокомерная Вика на природе успокаивалась, становилась добрее и даже помогала по хозяйству. Хотя за словом всё так же в карман не лезла. Это она от деревенских и научилась материться, как извозчик. А ведь, пожалуй, с деревенскими она тоже общалась с удовольствием. Никому из них не было дела, откуда она, насколько богата её семья и какими корпорациями ворочает их фамилия.

В конце того лета мы пошли в лес по ягоды и грибы. Уже не раз этим занимались, так что взрослые нас спокойно отпускали. Конечно же, с компасом. Прилегавший лес был густой и огромный. Заблудиться в нём – раз плюнуть. Набрали три полных корзины и повернули назад. Тут-то нас и настиг ливень. Ближайшим местом, где можно было укрыться, была лачуга лесника. Туда-то мы и направились.

Пришли, лесника нет. В доме темно и сыро. Сами промокшие до нитки. Развели огонь в печи, развесили сушиться одежду. Стесняясь и краснея, обтёрлись полотенцами и полезли греться под одеяло. Жались друг к другу, стуча зубами. Говорили о чём-то. В конце концов, я не удержался, полез лапоть Вику. А она оказалась вовсе не против. Так у нас и случился первый раз. В полумраке лесной хижины, под треск поленьев и жалобный скрип старой тахты.

– А, да, кстати, – вырвала она меня из воспоминаний. – В этот твой отпуск, полетим в Японию, на Окинаву. Будет медовый месяц. И, да, ещё никаких презервативов. Я детей хочу.

Я покивал, продолжая терпеть издевательство над спиной. Добилась своего. Зная её характер и упорство, все мои планы теперь полетят коту под хвост. Придётся пересматривать приоритеты в семейное русло. И, стоп!

– Детей?! Сколько?! – ляпнул я вслух.

– Троих минимум, – невозмутимо ответила она, дую мне на спину. – А там, как выйдет. Сколько смогу, столько рожу. Детей много не бывает.

Слушая её планы и тихий, чуть ласковый голос, я возбудился. Моя природа тоже хочет детей. Я развернулся и повалил её на пол, судорожно расстёгивая брюки, а второй рукой задирая ей юбку.

– У меня больше нет запасного белья, – оскалилась она.

– Плевать, – ворвался я в неё.

– Значит, ах, придётся покупа-а-а-ать! – выгнулась она, вцепляясь мне в плечи.

И откуда у меня такая выносливость? С пола мы перебрались на диванчик, уютившийся в углу кабинета, в конце оставшись совсем без одежды. Я знал, что у неё взрывная натура, но в любви она становится просто неистовой и ненасытной. У меня никогда не было такого секса. А выражение её лица в моменты оргазма, становится настолько развратным, что только в порнухе можно увидеть. И ещё она очень любит поцелуи. Почти без продыху целуется и не даёт занять позу, где мои губы окажутся в недосягаемости.

Не знаю, какой вид будет у нас вечером? И как буду выходить из кабинета? У меня на лице весь день будет глупая улыбка довольного кота, а на её лице просто крупными буквами написано: у меня был секс. И ведь не хочет останавливаться, зараза! Только что блаженно выводила фигуры на моей груди, а теперь опять прижала меня к стене и любит изо всех сил. Она точно забеременеет. И у дивана придётся менять кожу. Мы её вконец испачкали.

– Вика, три часа дня, – пробормотал я, обнимая её. Хочу погладить бархат её спины, но нельзя, она опять заведётся, а сил у меня уже нет. – Если мы не хотим потерять лицо и опоздать на деловой ужин, нужно поскорее убраться и идти готовиться. Нам теперь не только нужна новая одежда, но и душ нужно принять. От нас несёт.

– Деловой очкарик, – она чмокнула меня в нос и бодро поднялась с дивана.

Откуда силы берутся? Блин, глаза, что ли закрыть? Нет у тебя совести, Вика! Нагибаться за

одеждой с твоей фигурой противопоказано. У меня от такого вида крышу рвёт.

Бросила мне мои шмотки в лицо.

– Успокойся, кобель похотливый, – фыркнула она. – Ещё вся жизнь впереди. Успеешь ещё меня замучить. И тебе стоит заняться бегом. Выносливость поднимешь.

– С тобой никакой бег не нужен, – весело пробурчал я. – Одной тебя хватит для поддержания формы.

– Формы? – расхохоталась она. – Будешь ходить в качалку, как миленький. Ты высокий, но худой и мышц у тебя кот наплакал. Хочу, чтобы у тебя тоже было сексуальное тело.

– А самомнение у тебя будь здоров!

– Кто бы говорил, ни сантиметра на мне не оставил, чтобы не облапать. Самец.

Мы счастливо рассмеялись.

– Виктория, я люблю тебя, – сказал я, тепло глядя на неё.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась она. – Виктор и Виктория. Мы с тобой победители. Так что рассчитываю на тебя в будущем, муж.

– Да будет так, жена.

Мы вновь рассмеялись.

08.01.17

Страница книги Победители в интернете